

Наталья Горбачева

БЕЗ ЛЮБВИ ЖИТЬ НЕЛЬЗЯ

*Рассказы о святых
и верующих*

Наталья Борисовна Горбачева

Без любви жить нельзя.

Рассказы о святых и верующих

Серия «Рассказы о святых и верующих»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5815524

Горбачева, Н. Без любви жить нельзя. Рассказы о святых и верующих:

АСТ; Москва; 2013

ISBN 978-5-17-078552-0

Аннотация

Сборник рассказов Натальи Горбачевой затрагивает те же темы, что и нашумевший бестселлер архимандрита Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые» – об удивительных и порой непредсказуемых событиях жизни человека верующего, но не в монастыре, а в миру... Реальные истории, рассказанные известной и светскому, и церковному читателю писательницей, свидетельствуют о том, что и в обыденной жизни можно увидеть Бога. Современный человек, желая обратиться к вере, ищет чудес и особых знамений. Бог же часто открывается ему в простой повседневности. Среди героев рассказов – и мудрая деревенская жительница, и «высоколобый» ученый-физик, и дворянка «из раньшего времени», и замученная бытом современная женщина, и бывший заключенный, пришедший к Богу своим путем, и

известный псково-печерский старец Иоанн (Крестьянкин). Книга никого не оставит равнодушным. И это самое главное...

Содержание

Предисловие	5
Бог терпел и нам велел	8
Неискушен – неискусен[2]	17
Без любви жить нельзя	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Наталья Горбачева

Без любви жить нельзя

Предисловие

Написать учебник, научающий человека распознавать действие Божественного Промысла, невозможно. «Дух дышит, где хочет» (Ин. 3:8) и, кроме того, каждый человек уникален, что, собственно, и «заставляет» Божественную Любовь уникально действовать в жизни каждого. Но попытаться научиться видеть Бога в своей обыденной жизни можно, используя опыт других, уже услышавших таинственные Божественные «толчки» в своем сердце. Описание подобного опыта, несомненно, присутствует в рассказах известной и церковному, и светскому читателю писательницы Н. Б. Горбачевой.

Привлекает простота, сочность стиля и искренность рассказчицы. Несмотря на обилие в тексте местоимения «я», при чтении это «я» непостижимым образом отступает на задний план, и читатель окунается в атмосферу вездеприсутствия Божия. Современный человек, желая обратиться к Богу, всюду ищет чудес, особого «знамения», а Бог открывается ему в простой повседневности. Хотя, впрочем, и некоторые особенные «знамения» в рассказах Н.Б. Горбачевой то-

же присутствуют. Но, описывая их, автор умеет многие важные вещи объяснить без слов, вернее, «между строк». Во всяком случае, читателю, еще не знакомому со святоотеческой литературой, будет ясно, что духовное качество «чуда» опознается не иначе как по его духовным плодам, всегда устремленным к единой цели – направить к Богу человеческое сердце. Но чудо более великое – когда человек не теряет этот, однажды обретенный, вектор христианской жизни, несмотря на множество соблазнов. Это, может, и есть самое главное чудо, описанное в этой книге.

Исключительно трезвый взгляд автора на духовные реальности позволяет ей выявлять Божественный зов к человеку там, где более всего бывает разных суеверий. Таков, например, сон «ОльгИванны», в котором давно умершая соседка стучит в ее окно и просит соли, после чего героиня рассказа наяву вспоминает, что никогда еще не читала заупокойных молитв по ней. Но почему сон приснился только спустя десятилетия после смерти? И здесь – редкий случай, когда автор явно помогает читателю найти ответ: «Ольг Иванна» долгим подвигом жизни по заповедям приобрела истинную христианскую любовь и веру, сделавшись той самой «солью земли», которая защищает мир от гниения и разложения. Может, кто-то увидит «частичку» себя в персонаже, который занимается научной апологией христианства, еще не познав, что суть христианства – в любви к ближнему; а прочитав рассказ о «Сирийском чуде», задумается над тем, что христи-

анская вера и легковерие – разные вещи. Описание автором случившегося в паломничестве на Синай приводит к пониманию, в чем смысл посещения святыни, вызывает желание последовать благому примеру.

Предлагаемая читателю книга читается легко, но побуждает, как кажется, к работе, прежде всего человеческой воли. Хочу ли я увидеть Бога в своей жизни? Не будет ли страшно от видения этих «повседневных» действий Божественной любви? И почему может быть страшно, если Бог есть Любовь? Не потому ли, что ощущения Бога как Любви еще нет, а нет потому, что еще хочется жить только «по-своему», чтобы никто и ничто твоей жизни не мешало?

Каждый читатель непременно задаст свои собственные вопросы, но они будут. Книга никого не оставит равнодушным. И это самое главное.

*Н. Н. Павлюченков,
кандидат богословия, кандидат философских наук,
преподаватель миссионерского факультета ПСТГУ*

Бог терпел и нам велел

Первый свой приезд в Псково-Печерский монастырь связываю я с явным вмешательством Промысла Божия в мою тридцатилетнюю жизнь. Время – середина восьмидесятых прошлого века. О моей вере тогда не было и речи. Я не знала Бога, но Он мне уже тогда весточки посылал...

После окончания ВГИКа я стажировалась на киностудии им. Горького (с любимой студенческой приставкой – «опыта»). И вот «дружным творческим коллективом» поехали мы на экскурсию в Таллин – столицу советской заграницы. Я любила ездить в Прибалтику – «дохнуть свежим воздухом свободы». «Дохнули» тогда, помнится, удачно и в высшей степени интеллигентно – жили в самой гостинице «Виру», прорвались в какой-то ночной ресторан, попали в варьете, смогли купить по несколько бутылок на брата ликера Vana Tallinn. Ну и вообще – бродили по Старому городу, улочки которого сохранили свой облик со времен Средневековья – той таинственной «эпохи Возрождения», до которой, как тогда нас учили, сермяжная Русь так и не доросла. О том, что у православной России особый талант среди народов, за который она получила наименование Святая Русь, мы тогда даже не слышали...

И вот после славного времяпровождения в Таллине случился большой конфуз. Собрав всех утром в холле гости-

ницы, наша групповод объявила, что потеряла обратные билеты на поезд. Молодая девчонка пыталась объяснить туристам, как ее это угораздило, сейчас не припомню... Извечные русские вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?» ребром встали перед группой советской творческой интеллигенции. Из гостиницы «Виру» нас выставили, как положено, в двенадцать дня, а поезд в Москву отправлялся только вечером. Билетов на него, естественно, не было, да и денег у туристов – тоже. Возникла какая-то до смешного безвыходная ситуация.

Но тогда, при СССР, Эстония приходилась еще России братской республикой, и люди добрее были. Мы все, человек двадцать, во главе с рыдающей групповодкой, решительно отправились в таллинское турбюро. Переговоры сначала не клеились, мы поняли, что местными усилиями проблему не решить. Тогда групповодка настояла, чтобы позвонили в Москву – раз, потом еще и еще раз. Наконец каким-то образом договорились, что нас отправят из Таллина на автобусе.

Только к ночи пригнали выдавший виды ободранный автобус «Турист». Это, конечно, было не по-братски. Даже провинившаяся групповодка возмутилась. Но делать нечего – сели. С утра моросил холодный прибалтийский дождь, который теперь сделался ненавистным даже в Старом городе – все устали и проголодались, а автобус оказался теплым да еще и с бутербродами.

От того, что все-таки добились своего и едем в Моск-

ву, настроение не у всех было отвратительным. Наши оптимисты стали жалеть непутевую групповодку, потому что в Москве ее ждал как минимум строгий выговор или даже увольнение с работы с «волчьим билетом». По дороге, перед тем как заснуть, великодушно решили, что соберемся и пойдем просить начальство турбюро, чтобы ее не сильно наказывали – с кем не бывает!

Нашего русского водителя звали Саша. Надо заметить, что он решился на настоящий подвиг, когда согласился ехать на раздолбанном автобусе тысячу километров без напарника. Мы еще в Таллине возмущались, почему так, товарищи эстонцы, он же нас угробит, дайте второго водителя. Но товарищи категорически отказывались это делать, чтобы мы, в свою очередь, отказались от поездки на автобусе и разрешили ситуацию как-то по-другому. Получилось бы, что и указ из центра выполнен, и лишних проблем – отправлять чужих туристов за свой счет – нет. Но Саша очень просто сказал: «Да не волнуйтесь вы, доедем с Божьей помощью» – и тем самым почему-то вселил в москвичей уверенность в благополучном исходе. Наша группа была молодежной, хотелось новых приключений, а киносюжет сам просился в руки. Уверена, что Сашино «с Божьей помощью» никто тогда даже и не услышал. И вряд ли кто знал, что это такое... Кстати, как потом выяснилось, бутерброды для группы были за его счет.

Ночью, по-моему, все спали как убитые, кроме, конечно, Саши. Рано утром, впотьмах, разбудил нас его голос, дре-

безжащий через микрофон: «Подъем! Зеленая стоянка! Выходим размяться! Подъем! Подъем!» Растормошив спящую публику, водитель соскочил с подножки автобуса и растворился в негустом тумане. С полчаса мы ждали его, строя всякие предположения, самое страшное из которых «вот, тихоня, завез на погибель несчастных русских туристов». Когда чуть рассвело и туман стал рассеиваться, кто-то первый углядел и крикнул: «Ничего себе! Тут монастырь! Какой-то неразрушенный!...» Делать нечего, пришлось вылезать из автобуса – «глянуть на достопримечательность». Зевая и поживаясь от холода, вышли, но не все, половина осталась досыпать. Автобус стоял на ровной площадке метрах в тридцати от мощных стен неизвестного монастыря. Ворота были чуть приоткрыты, и в них, суетливо крестясь, прошмыгивали какие-то странные люди – в основном старушки и старики... Не туристы – факт! Для меня это зрелище было полно восторга первооткрывателя, всегда возникавшего, когда я, студентка ВГИКа, ездила с курсом в Белые столбы, в Госфильмофонд, смотреть культовые «зарубежные фильмы», о существовании которых советский зритель и не подозревал. И здесь – настоящее кино, итальянский неореализм! Куда спешили эти сумрачные, плохо одетые люди? Неужели это происходит у нас, в советской стране?

Перед монастырскими воротами еще несколько вышедших из автобуса человек затормозили и внутрь войти не решились – мало ли что, все-таки культовое сооружение, а мы тру-

димся на идеологическом фронте! Со мной двинулись двое или трое – не помню, потому что вообще мало что запомнилось из этого первого посещения монастыря. В память врезался лишь эпизод, как я спускаюсь по крутой, вымощенной камнем дороге вниз, к Успенской пещерной церкви. Смотрела все время на камни, боялась упасть. На удивление, внизу топталось порядочно народа. Было воскресенье. Видимо, кончилась ранняя литургия. В храм я не зашла, потому что совсем ничего не знала про эту жизнь, а экскурсовода – не было. Увидев, что все скапливаются около какой-то палатки, решила – дают «дефицит», и тоже подошла. Внутри, как оказалось, эта лавка-палатка была увешана иконами – небольшого размера, аляповатыми и откровенно «самопальными», то есть сделанными не теперешним фабричным способом. Эти иконы представляли собой наклеенные на картонки черно-белые и редко – цветные фотографии, но и их народ бойко раскупал. Подобный ажиотаж мне был непонятен...

Я повернулась, чтобы пойти назад, но увидела Сашу, выходящего из церкви с каким-то человеком в черном, монахом. Они недолго поговорили и разошлись. Я повернулась к палаточным иконам, чтобы он меня не заметил. Тут мой взгляд упал на одну из цветных фотографий. Меня поразила необыкновенная красота Божией Матери, на ней изображенной. Я протиснулась к самому прилавку и спросила: «Сколько стоит?» Монах обернулся на икону и сказал: «Десять рублей». «Как десять?» – возмутилась я такой непомерно высо-

кой цене. «Сестра, – ласково ответил монах. – Никто же не заставляет тебя покупать». Я обиделась и отошла в нерешительности... Подумала – надо все-таки что-то купить на память, наверняка больше никогда сюда не попаду... И купила. В кармане оставались последние три трешки и рубль с мелочью. Надо заметить, что в те времена городская булка стоила семь копеек.

Я вышла за монастырские ворота и глянула в сторону автобуса: показалось, что его нет, уехал... На несколько мгновений меня охватила настоящая, до тошноты паника. Даже подумалось: всё, погибла. Холодно, голодно и несколько гривенников в кармане. В монастыре не помогут – это вам не турбюро. Я взглянула на купленную икону – зачем она мне! Пойду верну, не отдадут деньги – скандал устрою, пронеслось в голове. С тоской снова посмотрела в сторону автобуса – он стоял на прежнем месте как ни в чем не бывало. Это было какое-то наваждение. Еще проскользнула мысль – а вдруг не наш? Неважно, буду умолять вывезти меня отсюда и без оглядки побежала к автобусу.

Все наши сидели на своих местах и спали. Проходя мимо водителя, тихо спросила: «Что это за монастырь?» Он так же тихо ответил: «Псково-Печерский». И всё. Я подумала, что из этого приключения можно сделать хорошую новеллу. Спать не хотелось. За долгую дорогу навертелся в голове целый сценарий. Сейчас бы назвали: мистический триллер с бабушками-изуверками. Какой же он был глупый! Не зна-

ла еще я, что во времена гонений спасли Русскую Церковь именно прихожанки-бабушки «в белых платочках» и прошедшие войну хромые дедушки, подобные увиденным мною в монастыре: они не давали закрывать храмы, молились в них, не боясь репрессий, тайно крестили внуков...

Благополучно, «с Божией помощью» доехав до Москвы, хмурые и уставшие, все молча вышли из автобуса, помахали Саше ручкой и сразу же забыли о нем. Хорошо, что хорошо кончается. В редакции еще целый месяц мы бурно обсуждали происшествие с потерянными билетами, но о монастыре – ни слова, будто и не было его. Про Сашу поминали вскользь: он был, как мы поняли, «верующий», пиши – «сумасшедший». К тому же не монах ли?..

Мне не давала покоя мысль, зачем потратила я целых десять рублей на ненужную фотографию иконы. На эти деньги можно было бы взять у перекупщиков какой-нибудь хороший альбом мирового художника. А лучше – оставить на черный день: на десять рублей запросто можно протянуть две, а то и три недели... Состояние, когда в кошельке восемь копеек и впереди – мрак неизвестности, мне, как человеку свободной профессии, было уже знакомо.

Засунула я икону в какие-то книжки. Изредка она попадалась мне на глаза – и снова: зачем? Что с ней делать – непонятно, а выбросить – рука не поднималась. Именно из-за красоты Изображенной на ней. Во всех переездах икона следовала за мной. Наступил момент, когда в моем доме появи-

лись и первые сознательно купленные иконы. И тогда очень захотелось мне узнать, как называется привезенный из Псково-Печерского монастыря образ Пресвятой Богородицы. Но еще несколько лет сделать это было затруднительно. Книги по иконописи найти было трудно, знакомые, «подкованные» в этом деле, у меня тогда отсутствовали...

Тайна иконы открылась в нужный момент. Спотыкаясь и падая, я уже шла по жизни с верой, знала евангельское «многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие»¹, но не могла и предположить, как много Господь посылает этих скорбей и болезней, чтобы очистить душу человека от накопившихся грехов... Часто исповедовалась, искала духовных людей, говорила со священниками. Так разрешались какие-то проблемы. Но очередной волной к моей жизни прибывало новые испытания и искушения... Было от чего унывать. В один из таких тоскливых моментов ко мне в руки попала книга «Иконы Божией Матери». Я стала ее рассматривать. Сначала многие изображения казались одинаковыми: Богородица с Младенцем Христом. Но ангелы... ангелы, как на моей, были только у «Страстной». На вид, казалось, два таких веселых ангела у лика Богородицы, которые будто забавляли какими-то игрушками Богомладенца. Но не радостно Младенец взирает на ангелов, ибо держали они – орудия страстей (страданий) Господних в последние часы Его земной жизни: крест, губку на трости и копие. На Кресте Спаси-

¹ Деян. 14:22.

тель был распят; губкой, пропитанной уксусом, Ему смачивали уста; копием воин пронзил Его, желая удостовериться в Его смерти. «Господи! – захотелось крикнуть. – Господи, за что? За что эти страдания Безгрешному?»

«За твои и всего мира грехи...» – ясно отпечатлелось в душе. «Бог терпел и нам велел», – вспомнилась вдруг половица. «Терпеть велел». Почему надо терпеть? Сколько? В тогдашних моих несчастьях священники, к которым я обращалась за советом, утешали: «Терпи, пройдет»... Сколько же терпеть, нет сил! «Терпи, больше, чем человек может вынести, Бог испытаний не пошлет», – отвечали мне... Всем сердцем я поняла это, разглядывая в памятный день Страстную икону Божией Матери. Будто бы случайно лет пятнадцать назад купленная в Псково-Печерском монастыре, она предназначалась именно мне. Почему? Как оказалось, день ее памяти приходился на день моего рождения. Это что-то знаменательное... И я успокоилась. До нового девятого вала. Опытю я теперь знала, что в любой тяжелой ситуации Господь пошлет в свой срок и утешение... Милосердный Бог терпел и нам велел. Он же терпит нас.

Неискушен – неискусен²

До некоторого времени мне как-то удавалось справляться с жизненными проблемами самой, в основном – терпением... Я даже посмеивалась над теми, кто рвался разрубить жизненный узел с помощью старца. Много ли их, истинных старцев, дало наше время? Точно я знала об одном – архимандрите Иоанне (Крестьянкине), который в Псково-Печерском монастыре был духовником братии. Я бы и поехала к нему, нескладух в жизни хватало, но останавливало высокое его звание «духовник братии». Кто я, грешная душа, чтобы занимать духовного человека глупостями своей обычной жизни? Потерплю лучше.

Слышала от одной, которая ездила за тридевять земель, от другой, нашедшей старца в противоположном углу России, от третьей, обретшей старца рядом, в Сергиевой лавре: «Вот батюшка помолился...» – и всё стало на свои места. Но с детства я была научена, что человеку самому надо прилагать много усилий, чтобы чего-то добиться в жизни или изменить ее. Разве можно надеяться только на чьи-то молитвы? Получается как в анекдоте: «В городе нешуточное наводнение, вода прибывает, все спасаются, как могут. Только Ваня сидит на крыше и ждет, когда его Бог спасет. Одна лод-

² Блажен человек, который переносит искушение, потому что, быв испытан, он получит венец жизни, который обещал Господь любящим Его. (Иак 1.12)

ка проплывает, другая, третья, люди предлагают спуститься с крыши и плыть с ними подальше от стихийного бедствия, но Ваня всем отвечает, что Бог его спасет. Так и утонул. И вот уже на том свете предъявляет он претензию Самому Всевышнему, почему Он его не спас. И был ему ответ: Я же тебе три лодки посылал, почему не спасался...» Я боялась быть похожей на этого Ваню...

Годам к сорока наступил тот самый момент, когда ничего другого не оставалось, как искать по себе молитвенников, потому что кризис наступил по всем вертикалям и горизонталям моей жизни...

В течение нескольких лет до этого жила я в гражданском браке – как то водилось у творческой интеллигенции – с человеком, профессия которого гордо звалась физик-теоретик. В юности, помню, грела меня высказанная не раз мысль, что хочется выйти замуж только за гения, чтобы посвятить ему жизнь... Откуда взялась эта мысль? Она витала в воздухе. В то время в СССР физику окружал ореол романтики, быть физиком считалось очень престижно, кипели споры между «физиками» и «лириками» с явным преимуществом «физиков». К началу перестройки «новые песни придумала жизнь», но я, видимо, так и осталась под влиянием своего «идеалистического инфантилизма», который и сыграл со мною злую шутку.

Влюбилась я в физика из Академии наук, и совсем не за человеческие качества, а из жалости, что «жена его не по-

нимала и создавала такие условия, при которых думать и творить невозможно». Подумала, какая глупая жена, если не дает такому талантливому человеку реализовывать себя. Вот он – тот самый непризнанный гений, о котором мечтала... Творческих успехов у меня не было и в помине, дай, думаю, помогу человеку умному и симпатичному возможностью творить, как ему хочется. Впрочем, пора было и замуж выходить. Через неделю после нашего случайного знакомства и нескольких взаимообогащающих разговоров Вадик переехал ко мне в коммуналку и занял одну из двух моих комнат.

А мы случайно повстречались,
Мой самый главный человек.
Благословляю ту случайность
И благодарен ей навек...

с радостью подпевала Анне Герман. Но быстро поняла – это засада!

Я и не предполагала, что у умных физиков-теоретиков ум бывает какой-то односторонний, одержимый единственной, необъяснимой страстью «познать тайны Вселенной».

- Для чего? – удивлялась я.
- Ради научного прогресса! – отвечал Вадим.
- Что это такое? Каковы его критерии?
- Научный прогресс – это процесс непрерывного, расширяющегося и углубляющегося познания окружающего мира,

освоение микро– и макрокосмоса, – слышала я известный ответ.

Наши споры были нескончаемы.

– А вот американский физик Джонатан Хюбнер считает, что уровень прогресса замедляется начиная с 1873 года. Потому что некоторые направления науки и техники не развиваются из-за их экономической невыгодности и потом... Способность людей поглощать знания подходит к концу, и в результате делать новые открытия становится все труднее. Прогресс твой потихоньку сдувается, – усмехалась я.

– Да, – соглашался Вадим. – Изобретатели прошлого использовали те идеи, до которых было легче всего «дотянуться», а теперь приходится прилагать всё больше усилий для решения более сложных проблем. Но главное, из-за массы уже накопленных знаний ученым приходится тратить гораздо больше времени на образование, период их активной жизни, посвященный собственно научной деятельности, становится короче. Открытия теперь требуют больше времени. Нобелевские лауреаты стареют, и это о многом говорит... Вот мне сорок лет, и я бьюсь над одной проблемой, но, понимаешь, мне не хватает знаний доказать.

– Ты хочешь получить Нобелевку?

– Почему бы нет? – серьезно отвечал он. – Ох, и заживем мы с тобой, Наташик, тогда...

– Хорошо. Скажи, зачем нужны эти новые открытия? Чтобы полететь на Марс? И там яблони посадить... Или изобре-

сти новое оружие? Нет, не так. Чтобы придумать и внедрить в человечество новую болезнь и потом заняться созданием новой вакцины против нее? Главное – все при деле.

– Строго говоря, критериев прогресса не существует, – соглашался Вадим. – Большинство людей думает, что прогресс знаменуется только улучшением жизни населения. В истории же человечества часто бывало так, что при явном движении вперед подавляющему большинству населения жить становилось хуже.

– И тогда в чем смысл прогресса?

– В том, чтобы человек мог гордиться собой!

– Ну... Это обычное искушение Адама, которому диавол предложил: будьте как боги. Ты хочешь быть таким богом?

– Хочу.

Поначалу я не могла четко сформулировать свое отношение к этому «хочу». С одной стороны, солдат, не мечтающий стать генералом, так и останется солдатом. Но с другой – нехорошо в этом победоносном шествии идти, не замечая, что делаешь больно другим, по головам. Нет, не по головам знакомых академических ученых ради научной карьеры... Вадима почему-то совсем не заботило то, что происходит с его пятнадцатилетним сыном – ведь трудный возраст! К тому же, что его мать, бывшая жена моего физика, потеряла в перестройку работу.

Вадим считал себя «верующим в душе», но не был крещен. Он спорил с позиции «чистого разума». Я же в спорах и

первых ссорах пыталась протолкнуть мысль о безнравственности современной науки.

– Вы, ученые, свой любопытный ум суете безо всякой опаски в глубочайшие глубины мироздания – в полной уверенности, что имеете право, – возмущалась я. – Желаете, как говорил один мой знакомый, «взять Бога за бороду». Никто не думает, что случайно можно выпустить джинна из бутылки. И всё! Третья мировая! Понимаешь?

– Ты, Наташик, преувеличиваешь, как всегда, – улыбался Вадим. – А давай пообедаем? Что там у нас сегодня?

– Кусок хлеба с селедкой и кипяток, согласно твоей зарплате... Мои деньги кончились.

– Обещали выдать всенепременно! Дорогой Наташик, давай будем выше этих денежных расчетов, которые убивают любовь... Хорошо? Вечером ты, кажется, борщ варила, я обонял его прекрасный запах даже в своей келье...

Вадиму нравилось, как я готовила, хвалил, что – «лучше бывшей жены».

– Хорошо. Только есть будем молча, – просила я. Наши споры начинали сильно утомлять меня.

– Конечно, как скажешь... То, что ты говоришь, очень интересно. Мы, ученые, действительно как-то не задумываемся о последствиях... Над этим стоит «поразмыслить»...

И он снова и снова ловил меня на слове... Наша совместная жизнь превратилась в сплошную говорильню. Если Вадим не сидел за какой-нибудь очередной книгой в моей вто-

рой комнате – «своей келье», как называл ее, то непременно оттачивал на мне остроту своего «философского» ума. В сущности, его ум нельзя было назвать односторонним: Вадим, в отличие от меня, был очень начитан и в классической, и современной литературе, прекрасно разбирался в музыке, профессионально играл в теннис. Когда он успел все это освоить, удивлялась я. Настоящий человек Возрождения. А я – обычная «образованщина», поэтому в разговоре с ним могла доносить лишь общий, но важный для меня смысл:

– Уверена на двести процентов, что человек никогда не сможет открыть даже малую часть тайн Вселенной, потому что ее Бог создал, а не старший научный сотрудник, хоть бы и физик-теоретик. Это во-первых. Во-вторых, есть тайны, перед которыми нужно просто склонить смиренно голову – например, зачатие ребенка или попросту – сезонная смена погоды. Если человек настырно начнет туда совать свой нос, это будет означать, что он замахнулся спорить с Богом. Переделывать то, что Он так премудро создал. Согласен?

– Ну... только отчасти... – пожимал он плечами. – Ты, оказывается, просто ригористка!

– ...А в-третьих, если все тайны будут разгаданы, физикам-теоретикам нечем будет заняться! И зарплату платить не будут совсем. Мне тут халтурку подкинули, пойду поредактирую... Товарищи ученые, доценты с кандидатами! Замучались вы с иксами, запутались в нулях...

– Сидите, разлагаете молекулы на атомы, – подхватил он

песню Высоцкого. — Забыв, что разлагается картофель на полях...

— Считаю эту мысль очень глубокой... — пока еще мягко намекала я, начиная догадываться, что в бывшей семье он занимался исключительно самообразованием, отчего и произошел разрыв.

Много раз я предлагала Вадиму креститься, чтобы повенчаться. Но он «не видел в этом смысла» и даже цитировал Евангелие: «И жена, которая имеет мужа неверующего, и он согласен жить с нею, не должна оставлять его»³. Наконец я твердо сказала, что в таком случае нам придется расстаться, потому что не хочу жить в блудном грехе и боюсь в таком состоянии причащаться. «Ради меня» Вадим согласился креститься и после крещения попросил называть себя только полным именем Вадим. Старое уменьшительное Вадик, которое он до того любил, совершенно ему разонравилось.

Я не понимала смысла его работы. Он все время писал и переписывал какие-то статьи, искал, куда их определить, по-прежнему много читал научной, философской и художественной литературы. При этом уговаривал меня писать «в стол», потому что я «очень талантливый человек и нельзя зарывать свой талант в землю». Неделями он не ходил в институт — потому что там «сидеть негде», приносил мизерную зарплату — потому что «всё рухнуло в перестройку и наука теперь никому не нужна». Это была не новость. Мой одно-

³ 1 Кор. 7:13.

классник, с красным дипломом окончивший МФТИ и подавший большие надежды в науке, ради семьи переквалифицировался в торговца холодильным оборудованием. Сама я старалась подработать, где только возможно. Что делать – жизнь! И надо было как-то к ней приспособливаться. С телевидения я ушла – стало противно печь «жареные факты» и «вешать лапшу на уши» бедному телезрителю, которому после идеологически выдержанных и во многом чистых зрелищ советского «застоя» стали предлагать бульварное искусство одуревших от появившейся свободы «самовыражения наизнанку» творцов.

В течение целого года за копейки я подвизалась «классной дамой» в открывшейся православной гимназии. Моей обязанностью было сидеть на уроках и следить за поведением учеников – прекрасная должность при двух высших образованиях... Другой работы, чтобы без ущерба для души, не находилось. Наверно, Бог дал мне возможность спокойно обдумать свою нынешнюю ситуацию: на уроках было полно свободного времени. Но ничего существенного в голову не приходило. Думалось лишь об одном... Мамаши моих учеников были младше меня. У меня должны быть вот такие же по возрасту дети... Разговор о детях Вадим не заводил. Однажды я сама подняла эту тему.

– Наташик, ну зачем двум талантливым людям дети? Мы их только испортим. Признанный факт, – ответил он.

Было в этом рациональное зерно – сколько несчастных

детей выросло у знаменитых талантов... Себя я талантом считать никак не могла и даже смирилась с мыслью, что моя творческая карьера закончилась, едва успев начаться. Но чем больше я узнавала Вадима, тем меньше мне хотелось для своего ребенка такого папашу, как он. Вопрос повис в воздухе. Чем прогневала Тебя, Господи, часто вздыхала я. Почему не даешь мне детей? Наверно, я не смогу их хорошо воспитать.

– Ты зря ушла с телевидения, – поднял он другую тему...

– Почему же зря? У них теперь главные герои экстрасенсы, проститутки и бандюки. Буду писать «в стол», ты же этого хотел... – насмешливо ответила я. – Вопрос в другом: кто будет носить в дом деньги?

– Бог управит, Наташик, не переживай, Бог управит, – Вадим после крещения быстро усвоил православную терминологию. Его память была очень цепкой. – Нам ведь с тобой немного надо...

– У меня пальто зимнего нет... Вадим, ты слышишь? Холодно в куртке зимой...

– Хочешь, чтобы я бросил свое научное рукоделие и пошел в работяги? – он по привычке давил на жалость.

– У нас семья или что?

– Ну, хорошо, хорошо, давай повенчаемся. Если ты так хочешь... Хоть в это воскресенье.

– Спасибо за одолжение, не стоит. Не пойму, чего хочешь ты. Если заниматься только наукой, а не семьей – живи один.

Хоть в бочке, как Диоген. Наука – это служение, а не халюва, – хлопнула я дверью и пошла «пожалиться» к своей девяностолетней соседке по коммуналке Анне Вячеславне, с которой мы к тому времени очень сблизились...

– Деточка, я не имею никакого права вмешиваться в вашу личную жизнь... – внимательно выслушав меня, ответила она. – Но если хотите знать мое мнение... Я вам прочту прекрасное стихотворение Степана Щипачева... – и мастерски продекламировала.

Любовью дорожить умейте,
С годами дорожить вдвойне.
Любовь – не вздохи на скамейке
И не прогулки при луне.
Все будет: слякоть и пороша.
Ведь вместе надо жизнь прожить.
Любовь с хорошей песней схожа,
А песню не легко сложить.

– Гоните его в шею, – улыбнулась она, как бы стесняясь своих слов.

– Но он же сам должен понять, что надо уйти! – воскликнула я.

– У него здесь, – Анна Вячеславна приложила руку к сердцу, – пусто.

– Да у него здесь, – я постучала костяшками пальцев по своему лбу, – черная дыра! Шизик-теоретик...

Поняв, что Вадим – герой совсем не моего романа, я очень долго не могла решиться на разрыв: нелегко расставаться с иллюзиями, и первой была та, что человек может исправить другого человека... Действительно, это под силу только Богу. К тому же Вадиму было некуда идти. Добрый муж перевез ко мне из бывшего дома около двух тысяч томов библиотеки, а «своим» оставил трехкомнатную квартиру, к слову сказать, тещину. Я поначалу обрадовалась такому неожиданному книжному богатству – мой физик собирал тщательно и много лет личную библиотеку: «доставал», выискивал, выменивал, целое дело... Но мало-помалу мне открылось, что и собирание книг, и чтение, и приобретение новых знаний, став самоцелью, превращается в натурального идола. Это мало отличается от того, как фанаты творят себе кумира из какой-нибудь «звезды», богачи – из денег, спортсмены – из наград, писатели – из славы. Умный и талантливый Вадим оказался обычным идолопоклонником... Лиши его этих книг – сойдет с ума... Книги были его «собеседниками». Люди интересовали его лишь постольку поскольку...

Из-за того, что он был почему-то не в состоянии сделать карьеру в физике, из-за неуверенности в себе, из страха одиночества Вадим сделался актером. Когда приходили друзья, он был само обаяние, радушие и гостеприимство. Он «обаял» моих провинциальных родственников, даже священников в нашей церкви, куда мы стали ходить туда вместе после его крещения. Пытаясь разубедить его очередную жертву в

том, что он в действительности безжалостный и самолюбивый и я первая подпала под его «обаяние», тем самым только подливала масла в огонь. Злой и самолюбивой мегерой, которая не ценит такой талант, стали считать меня... Пришлось по-христиански смиряться и с этим: меня действительно стала раздражать и его библиотека, и он сам до такой степени, что хотелось бежать куда глаза глядят из моей уютной, с огромным трудом доставшейся коммуналки с прекрасной соседкой. Я стала злой, а думала, что добрая...

Только две мои близкие подруги знали истинное положение вещей и в унисон гудели: «Да выгони ты этого шизика, выстави вещи на лестничную клетку – и привет семье. Такой не пропадет. Он же из тебя все соки высосет...»

Нет, думала я, они москвички и не понимают, что нельзя выгонять человека на улицу, сама я сколько скиталась по разным углам, когда приехала в Москву, – никому такого ужаса не пожелаю. А у него никакого житейского опыта... И все-таки он талантливый ученый. И наверно, я его еще чуть-чуть люблю... Да и вообще не в этом дело. Моя новонаначальная христианская совесть еще не могла ясно различать, что такое хорошо и что такое плохо. Лет десять назад, рассуждая по-житейски, я бы в два счета разбежалась с ним. А как поступить по-христиански?

Вадим все время говорил, что, если надоест, он вернется к жене. Набравшись смелости, я позвонила его бывшей поинтересоваться, не заберет ли она его обратно?

— Барышня... Как вас зовут? Кажется, Наталья... Наталья, вы не представляете, какую вы оказали услугу, что избавили меня от него, — устало ответила она. — Мы сменили все замки. Ноги его здесь больше не будет!

— А если он захочет разменять вашу квартиру?

— Он? Никогда он этого не сделает. Всего вам хорошего. — И в трубке загудело.

После звонка меня одолела изматывающая душу рефлексия — бесконечное пережевывание произошедшей с Вадимом встречи и ее последствий: где я сделала ошибку, можно ли было поступить по-другому, что теперь делать, ведь случайного ничего нет? Что-то я должна понять, чего совершенно не понимала. Встреча, конечно, злосчастная, но ведь она подтолкнула человека к крещению, открыла путь ко спасению, надо проявить к заблудшему христианскую любовь и самой научиться любить не за что-то, а несмотря ни на что... Видимо, теперь он — мой крест. Надо венчаться, уговаривала я себя. Но потом вдруг обнаруживалась какая-нибудь мелочь, например, что пока я была в гимназии, Вадим съел жареную курицу, которая была рассчитана на три дня. Он оправдывался тем, что «был голоден и не заметил, как съел». Но чтобы купить еще курицу, надо было простоять в очереди три часа, а в очередях Вадим не стоял принципиально, потому что «ненавидел коммунистическую власть», которая как раз в тот период начала рушиться... Нет, никакого венчания!

О моем самокопании он, думаю, даже не подозревал. Заметив, что мое раздражение начинает выплескиваться через край, он становился человечнее. Мог раздобыть денег и привезти с овощной базы мешок картошки... смешно! Или на последние деньги купить букет роз – несмешно.

Теперь он рыскал по Москве в погоне за книгами православных издательств, которые впервые после революции стали возникать на отечественной почве. Вадик читал их так же запойно, как прежде по профилю своих исследований – квантовой физике и, например, философии науки.

– Наташик, хочу всё знать, – радовался он. – Какого богатства духа мы были лишены. Чувствую себя первооткрывателем!

Я тоже впервые читала эти книги – ласточки духовного русского возрождения: Добротолюбие, жития святых, писания Святых Отцов, но первооткрывателем себя не чувствовала. Наоборот, то, о чем они писали – о душе, о страстях, о борьбе с ними, об истинной радости и настоящем горе, – не казалось мне непонятным и чужим, но родным и близким. Радостью было сознавать, что мои представления об этих духовных величинах были скорее верны, чем неверны. Откуда взялось это сердечное понимание слов святых и сопереживание их опыту, удивлялась я, если из всего «духовного» мы «проходили» «научный коммунизм», марксистско-ленинскую философию и какую-то там диалектику – даже во ВГИКе. Плюс мы, вгиковские студенты, насмотрелись

в Госфильмофонде разных зарубежных фильмов, которые для советского зрителя были табу. Более всего привлекала нас тогда романтизация одиночной криминальной борьбы с буржуазным государством: «Бонни и Клайд», «На последнем дыхании» и поэтизация обычной порнухи: «Последнее танго в Париже», «Эммануэль»... Всё это вскоре в примитивном виде хлынуло на наши экраны.

«Душа по природе своей христианка», – прочла я у Тертуллиана. И сродное, конечно, тянется к сродному... Слава Богу, что жажда святыни не совсем погибла в моей душе...

Но зачем Бог столкнул меня с Вадиком, чужим для моей души человеком. Оказалось, что мы с ним были совершенно разные люди – перпендикулярные во всем, но я не могла никак избавиться от его присутствия в моем доме. Он опутал меня какой-то паутиной, в которую я угодила, словно муха. Священники из нашего храма благословляли «дружеское» сожительство, им тоже трудно было разобраться в происходящем – все мы были тогда молоды и неопытны... особенно духовно.

Пришлось самой учиться молитве. Множество раз просила я: «Господи, избави меня от него! Откуда взялся на мою голову, помоги, вцепился в меня, как клещ... Я же умру. Избавь, помоги, защити от этой силы бесовской».

Ожесточение за несколько месяцев дошло, кажется, до предела. Я, интеллигентная барышня, начала драться с Вадиком – даже не подозревала, что способна на это. Обычно

поводом к рукоприкладству был мой крик души: «Уходи», на что он отвечал: «Сама приютила. Отец N велел меня терпеть». Впрочем, и Вадим, старший научный сотрудник Академии наук, не без удовольствия распускал руки.

Однажды в тяжелом молчании сидели мы за обеденным столом на кухне – друг против друга. Без раздражения я не могла слышать звука его голоса. Вдруг Вадим начал делиться своими восторгами от только что прочитанной книги Дионисия Ареопагита «О Небесной иерархии».

– Тебе нужно ее обязательно прочесть, Наташик. Так долго ее искал... Это учение о девяти чинах небесных существ, от Серафимов до Ангелов. Что-то хлеб черствый, нет другого?

Я заткнула уши, но Вадим продолжал что-то говорить. Тогда я, как разворачивающаяся пружина, вскочила с табуретки и выброшенными вперед руками уже была готова вцепиться через стол в его волосы.

Вдруг в этом полете я замерла на самой высокой точке траектории, потому что произошло что-то невероятное... Реальность исчезла, а мое «я» («в теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю: Бог знает»⁴) оказалось в каком-то неизвестном пространстве среди мириад добрейших ангелов; все они были заряжены такой любовью ко мне, что огромности ее было невозможно выдержать более мгновения. Мне открылось, что ангельский мир с любовным и сочувственным внимани-

⁴ 2 Кор. 12:1–4.

ем наблюдает за моей жизнью и готов прийти на помощь – в ту же секунду, когда повелит Господь...

И я снова оказалась в нашей коммунальной кухне; обмякшая и совершенно умиротворенная, плюхнулась на свою табуретку.

– Ты знаешь, что сейчас было?

– Чуть не убила меня, – усмехнулся Вадим.

– Я была в раю.

– Больная. – Он резко отодвинул тарелку и ушел.

Полная умиления, я еще долго сидела на месте, пытаюсь вообразить произошедшее. Но человеческие представления об этом откровении походили лишь на двухмерную фотографию какого-то многомерного мира...

Только благодаря этому поддерживавшему меня дивному чуду проявления ангельской любви я поняла, что встреча с физиком-шизиком не была случайной. По неведомым причинам она была попущена Богом. На этом сердечном знании я продержалась еще несколько лет – до моих сорока. С Вадимом мы разбежались по разным комнатам коммуналки. Я пыталась относиться к нему просто как к соседу, но он продолжал жалить меня своим острым языком. Моей «подушкой для слез» стала дорогая соседка Анна Вячеславна. Не понимая, почему мы никак не расстанемся, она только повторяла:

– Ближние пока научат – намучат...

Покаялась я в своем поспешном решении «спасти гения».

Нас не учили в юности, что к серьезным вещам – к браку, выбору профессии, к дружбе надо и подходить серьезно, проверять и испытывать людей прежде, чем связать себя с ними какими-то узами. «Что делается на всю жизнь, то лучше сделать нескоро, нежели торопливо», – советовал святитель Филарет Московский. Как жаль, что не читала его раньше...

Теперь только оставалось наблюдать второй акт драмы в коммуналке: Вадим надел на себя маску показного благочестия, умело жонглировал православными терминами, дурил этим людей, оставаясь эгоистичным и самонадеянным. Глядя на это, свои душевные силы я сознательно стала тратить на то, чтобы ни в коей мере этому не уподобиться. Получалось настоящее, принятое в науке доказательство от противного. Для чего же Бог попустил в моей биографии все эти горькие факты? А для того, что практика жизни в замкнутом пространстве коммуналки⁵ – точно в пустыне – дала мне возможность увидеть и в какой-то мере изучить главные человеческие страсти и начать их в себе изживать. И еще, вероятно, для того, чтобы исполнить евангельское слово: «...сам искушен быв, может и искушаемым помощи»⁶.

Нашей, уже «братско-сестринской любви» с Вадимом предстояло выдержать еще одно, самое тяжелое испытание. Я уговорила его поехать пожить в Оптину пустынь, чтобы

⁵ «Сиди в своей келье – она тебя научит всему». Преподобный Арсений Великий.

⁶ Евр. 2, 18.

хоть немного отдохнуть в одиночестве. Но оттуда он приехал окрыленный новой идеей, которая, оказывается, втайне у него давно зрела и которую в оптинском монастыре одобрил «очень духовный иеромонах». Идея заключалась в том, что надо написать книгу – симбиоз квантовой физики, богословия, философии и прочих наук, которая доказывала существование Бога. Я приняла это за шутку:

– Удивлена, кто там тебе это мог благословить... Тоже какой-нибудь бывший физик? Ты такой же богослов, как я королева Англии. Год как крестился... Иисус Христос – Бог! – готовил Себя к проповеди постом и молитвой. Феофан Затворник двадцать пять лет в затворе сидел, прежде чем...

– Нет, нет, – отвечал Вадим, не вслушиваясь, по обыкновению, в мои неприятные для него речи. – Это прекрасная идея. Я напишу книгу, для интеллектуалов, на их языке. Прочитав ее, они поверят в Бога. Ученым важны доказательства на уровне последних открытий квантовой и ядерной физики. Я соберу их. Наташик, это же Нобелевская премия! И ты... ты вдохновила меня, дала возможность, подвигла меня на это...

– Ты понимаешь, на что замахнулся? – ужасалась я. – У тебя крыша уже в пути съехала.

– Нет, нет. У меня есть единомысленные... Это такое счастье!

– Вот вас всех собрать и в психушку-то и отправить... Но работа закипела. Нашлись сочувствующие этой идее

и даже спонсор программы, которую одобрили на высоком уровне. Стали появляться в моем доме из духовных птенцов молодые люди, с которым шло обсуждение будущей книги... И не только с молодыми, но и со старыми заслуженными физиками и философами. Вадим стал подолгу пропадать в библиотеках, ходить на какие-то семинары. От него услышала я о диаконе Андрее Кураеве, который собирал, как Пугачева, полные залы. Общественная жизнь, отходя от «застойной» спячки, закипела. Всё было ново, обнадеживающе, далекоидуще... Спросонья не все попали в нужную колею, но это выяснялось спустя годы. Вадим угодил конечно же не туда, где проповедовали смирение, очищение себя от страстей, покаяние в грехах, любовь к ближнему.

В моей коммуналке он написал книгу, которая, по его мнению, была призвана «привести к Богу всех интеллектуалов». Эти три года показались мне адской вечностью. Мало-помалу и у меня стало «сносить крышу», потому что когда на черное сто раз скажут белое, ты начинаешь сомневаться... Я стала сомневаться, может, действительно можно невероятно трудным для моего понимания языком физики доказать существование Бога. Ангелы на небеси забыли меня...

Книгу напечатали, хвалили и начинающие богословы много обсуждали. Я только удивлялась, как они разобрались в сложнейших математических и физических выкладках книги. На единственном философском семинаре в мос-

ковском монастыре ученые монахи высказали Вадиму соборное определение, что он сильно заблуждается, по крайней мере в своих богословских посылах и выводах. Вадим ничтоже сумняшеся ответил им, что они не поняли его уникальной теории; и теперь он всю жизнь потратит на ее популяризацию.

Анна Вячеславна уже ничем не могла меня утешить... Я стала похожа на тяжелобольную – потеряла аппетит, похудела, осунулась, совсем перестала следить за собой. Зато, окрыленный своей безумной идеей, цвел Вадим, который советовал мне почаще выходить на воздух, гулять вместе с ним... Только не это!

Священники в нашей церкви грустно разводили руками, не решаясь что-либо советовать. Меня благословили чаще причащаться – раз в две недели, потом еженедельно. После причастия становилось легче. Но к концу недели душу снова окутывал полнейший мрак, парализовало волю. Хотелось просто закрыть глаза и умереть. Из последних сил я заставляла себя идти на следующую воскресную литургию.

И вдруг наш настоятель твердо сказал:

– Вам надо поговорить со старцем. Другого выхода я не вижу. Непонятно, что там у вас происходит.

– С каким старцем? – безнадежно спросила я.

– С Иоанном Крестьянкиным... Просите его молитв.

– Как же я с ним встречу? Там, говорят, целые толпы к нему...

– Поезжайте, поезжайте, Бог управит. Благословляю, в Псково-Печерский монастырь, – и настоятель широко осенил меня священническим крестом... – Завтра же поезжайте!..

Без любви жить нельзя

Я уже сидела в поезде, мчавшемся в Печоры, но какая-то сила принуждала на каждой станции выскочить из вагона и вернуться в Москву. Не давала покоя навязчивая мысль: кому ты там нужна в этом монастыре со своими проблемками? И что может измениться, если расскажешь свою печальную повесть о несостоявшихся Ромео и Джульетте какому-то старцу, пусть даже и отцу Иоанну (Крестьянкину). Выслушает он, погладит по голове, скажет что-то назидательное из Евангелия, помолится и что? Чудо произойдет?

Чем дальше от Москвы, тем грустнее становилось – давило сознание, что ничего в моей жизни измениться не может. Исключительно за послушание настоятелю еду – в настоящий тупик, потому что это последнее средство. Если не поможет – останется только караул кричать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.